ПИСЬМА К ДРУГУ

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

В центре сцены на перекрестке двух красных лучей-дорожек — двух эпох и поколений — стоит неподвижный человек. Его зовут Николай. Он пока еще не стал легендарным писателем Николаем Островским. Это впереди. Полная неподвижность — единственный театральный знак страшной болезни. Наверху, над ним, путаница проводов, создающих представление о вокзалах, теплушках, расстояниях, обо всей огромной стране. Неподвижность. Гитара Иванова-Крамского, тревожный и мягкий звук. Одно за другим поднимаются коричневатокрасные полотнища: это как бы приоткрываются занавесы памяти. Из прошлого выходят люди 20-х годов, спорят о недавних боях, о «комсе», о новом громкоговорятеле «Лилипут», о литературе. Движение на сцене, и полная неподвижность в центре. Человек пережил тяжелейшие операции, одиночество, предательство, но ничто не убило его неистовой веры в жизнь. Он пишет письма другу и создает книгу. Он уверен, что опыт его души важен всем. Жизнь его открывается в самом главном: она была борьбой за счастье человека.

Спектакль о Николае Островском (по пьесе А. Лиханова и И. Шура), завершивший гастроли Кировского театра юного зрителя в Москве, обращен к сегодняшнему дню, к сегодняшним юным, поставлен в театре, посвящен имя автора романа «Как закалялась сталь». Исполненный

подлинного драматизма и пафоса, спектакль устанавливал содержательные отношения между этим именем — флагом и самим существом искусства коллектива. Четыре года назад его возглавил Алексей Бородин, молодой ученик Ю. Завадского. Новый режиссер принял сложное наследство и распорядился им умно и осторожно. Не было никаких широкоречивых деклараций, никакого шума и суеты, а театр постепенно менялся, приобретал новое — свое! — лицо.

«Двадцать лет спустя» стали в некоем роде «Чайкой» тюзовского движения. Светловской пьесой начинают почти все. А. Бородин не стал исключением. В спектакле этом — строгом, печальном и сосредоточенном — заявлена художественная и нравственная программа, которую принес режиссер в коллектив.

Театр хотел видеть мир глазами детства. Эта точка зрения и есть та высокая и труднодоступная вершина, к которой надо подняться каждому, кто хочет работать для юных. И если в художнике способность к такому видению живет, если он, выйдя из страны детства, остается ей верен, такой художник может разговаривать со своим зрителем обо всем на свете. Искусство для детей в этом плане не знает границ, и лучшие работы лау-

реата премии Ленинского комсомола — Кировского ТЮЗа подтверждают этот закон. Ставит ли театр спектакль о Николае Островском или обращается к сказке Ю. Олеши «Три толстяка», веселится ли с рыжей девчонкой Пепши, по прозвищу «длинный чулок», или обращается непосредственно к жизни современных подростков в спектакле «Тили-тили-тесто» — во всех случаях театр точно знает, к кому обращается, прекрасно понимает своего зрителя.

Понимание это может быть окрашено в просветленные, акварельно-нежные тона, как в «Тили-тили-тесто» (режиссер Е. Долгина, художник Т. Сельвинская), где детство открыто в безостановочном полете фантазии, и может вылиться в формы драматические, как в спектакле «Обман», созданном по повести А. Лиханова. Повесть эта равно обращена к детям и взрослым, ее можно играть и на тюзовской, и на «взрослой» сцене. Поставленная А. Бородинным, она обретает совершенно особые акценты.

Тяжелое слово вынесено в заголовок не случайно. Речь идет о подростке, обманушемся во взрослых. Речь идет о том, как хорошие люди проглядели судьбу маленького человека Сережи Воробьева, которого В. Колесников играет с

редкой наблюдательностью и слухом на ребячью боль. Только что было счастье, был дом и старый диван, где можно было сжаться в комочек и поговорить с мамой о самом потаенном. Но мамы не стало, отчим бросил подростка. Равнодушные взрослые оглушают. Все вроде готовы помочь пареньку, но не сейчас, не сразу, а когда-нибудь потом. Это становится очевидно, когда Сережа уже на пороге катастрофы.

Легко представить, в каких красках мог быть здесь изображен мир взрослых. Но всеми доступными искусству средствами, будто чувствуя пульс своего, особого зала, где сидят в основном ровесники Сережи Воробьева, создатели спектакля, не упрощая ситуацию, все художественные усилия направляют на то, чтобы вывести паренька из тупиковой ситуации, чтобы не прописью, не казенным поучением, а реальным опытом жизни помочь ему выстоять и понять, что в любой жизненной ситуации он может и должен сохранить в себе доброе человеческое начало. Активная и мужественная доброта спектакля — это и есть мир, увиденный «с точки зрения детства».

Конечно, далеко не всегда театр из Кирова оказывается эстетически безупречным на

этих высотах. Лирическая мягкая интонация иногда оборачивается сентиментальностью. Бывают и более сложные случаи, когда своего рода абберация зрения, стремление говорить с подростками о серьезных и значительных вещах приводит на сцену довольно претенциозную пьесу «Путешественник» Р. Ибрагимбекова, разыгранную в привычных канонах «романтики для бедных», против которой направлен весь лучший репертуар кировчан.

В целом, однако, перед нами живой, молодой, творческий организм, ищущий свой голос и свой путь в труднейшем деле искусства, обращенного к подрастающему поколению. Самый предмет этого искусства чрезвычайно подвижен. Вместе со временем быстро меняется детство, выдвигает перед взрослым миром все новые и новые проблемы. Решая их средствами искусства, ТЮЗы должны обладать предельной чуткостью к этим переменам, осознавать свою огромную ответственность перед юностью.

Среди разных голосов детских театров страны голос кировчан слышен сегодня очень внятно. Позиция по отношению к детству, сама интонация разговора со зрителем, может быть, лучше всего определены в названии одного из восьми спектаклей, показанных в Москве. Это, действительно, «письма к другу».

А. СМЕЛЯНСКИЙ.